

Сергей ПОПОВ

КАК НИКТО

Сергей Викторович Попов родился в 1962 году в Воронеже. Окончил Воронежский государственный медицинский институт, ординатуру, Литературный институт им. А.М. Горького. Поэт, прозаик, педагог, доктор медицинских наук. Печатался в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Звезда», «Москва», «Юность», «Новая юность», «Подъём», «Зинзивер», «Дальний Восток» и др. Автор многих книг стихов и прозы. Лауреат премии «Писатель XXI века» в номинации «Поэзия» (2019), Международной Волошинской премии в номинации «За лучшую поэтическую книгу года», литературной премии «Кольцовский край», имеет Золотой диплом XI Международного славянского литературного форума «Золотой витязь» (2020). Член Союза российских писателей и Международного ПЕН-клуба. Живёт в Воронеже.

Донник, мордовник, сушеница,
 паслён...
Слышится счастье? Нравятся
 имена.
Даром в родной ботанике
 не силён —
душу созвучья высушили до дна.

Лиственный ворс, цветочная
 канитель...
Перегорает здешнее баловство.
Шалая тень кидается
 на плетень —
лишь поминай как звали
 скорей всего.

Вкус забывается, но не смолкает
 шум
высохших соков, токов
 прикорневых.
Слух бескорыстней,
 чем неуклюжий ум
на перекрестьях старых дорог
 кривых.

Фенхель, мыльнянка, жабрица,
крестовик...
Выходки почвы? Происки языка.
Жгуч и неверен в горле
блажной язык,
да и цена его нынче невысока.

Это сквозь корни, суффиксы,
падежи
пуще и пуще лезет разрыв-трава.
Что в кочевом отечестве
ни скажи —
ярая зелень снова кругом права.

Точно в тебе кончается звукоряд,
и по-хозяйски запросто над тобой
о правоте беззвучия говорят
змееголовник, сабельник,
зверобой.

никак чумовой не припомнить
прищур
шашлычника что заломил
чересчур
акцент хитроглазого гида
с похмельной улыбкой динрида

лимон и вино базилик и гранат
сомни календарь переври маринад
имбирь ли гвоздика корица
кодор кармадон или рица

дорога петляет и пазик летит
завидный гуляет внутри аппетит
прелестна соседкина робость
срываются камешки в пропасть

цеди анекдоты недельных
тургруп
ты слишком застенчив от этого
груб

сверни с пикировочки рваной
на встречу с вечерней нирваной

там танцам не верится в свой
окорот
кассета сан-ремо и крашенный рот
наглеют ночные цикады
и дурно во рту от помады

и чёрная к горлу подступит вода
купаться под утро ещё никогда
ни дна не видать ни покрывки
лишь глаз заполошные вспышки

глаза не труди не воскреснет
лицо
всё звёзды внавал и наезды кацо
и сон на носу у рассвета
и бредни о сдаче билета

туда где дуркует в ребре седина
и клинит крутого курца с бодуна
в иные пределы целую
отстукивать напропалую

и хмели нема и сунели увы
ни сумерек с привкусом пряной
халвы
ни тени платана с айвою
над смутной его головою

Тогда Союз разводом занялся,
делением на околотки,
кругом бабла набухли завязи,
забултыхалось море водки.

Вернулась давняя и шалая
волна купанья в море крови.
И эта радость обветшала
сполна вошла в обычай внове.

Теченья, мосты, купола
на буграх.
Всё прочее — чушь, обольщение
и прах.

На первых порах, на последней
черте
превыше всего — не забыть
о тщете.

И тщательным списком
прибытков и слёз
спаси и помилуй увлечся
всерьёз.

Одна лишь надежда на дым
из воды,
июльских садов гулевые зады,
дурацкие споры с густеющей
тьмой,
лукавые сборы не ехать домой.

линяет лето без оглядки
с похолодания взятки гладки
тепло под свежим сургучом
переговоров ни о чём
эмэйлы скайпы перезвоны
слова на ветер сетевой
ведь абонент уже вне зоны
вчерашней дружбы с головой

и паузы неудержимо
ненастье множит без нажима
дожди навзрыд ветра врзлёт
и всё известно наперёд
вестимо, что за чёрной тучей
всегда для будущего есть
забвенья обморок летучий
равно прощение и месть

так говорил писатель старый
пока народ бренчал гитарой
ховал в кладовке самиздат
кругом нетрезв и бородат
от спорадической теплыни
изжога спазмы миозит
не проходящие доныне
всё из минувшего сквозит

приходит осень тихой сапой
вино на платье не капай
и сигареткой не части
теперь воздержанность в чести
не вспоминай и пялся в оба
и трубку вовремя клади
на плечи долгого озноба
что пламенеет впереди

мой ясноглазый летний кореш
с обрывом связи не поспоришь
как прошлым душу не криви
сургуч стущается в крови
по зодиаку лев и овен
с небес спускаются к зиме
ни в чём провайдер не виновен
там только прибыль на уме

Вечер прорастает
в комнату извне.
Таёт — не растает
пригород в окне.

Пламенем распорот
прочный небосклон,
где клубится город
с четырёх сторон.

Чёрным оторочен,
огненным прошит,
тяжбу дня и ночи
в жизни не решит.

И пределы мнимо
тьмой разделены,
проходящей мимо
световой волны.

Жизнь почти что рядом,
но всегда вдали —
вся прошита взглядом
с неба до земли.

С позднею отчизной,
где разор и зной,
связанным капризной
искрою сквозной.

Говорящим сразу,
что и наверху
не закончат фразу,
не продлят строку.

Лишь тому, кто где-то
прячется от глаз
на исходе лета,
это в самый раз.

В стороне от пляски
вечного огня
он сгущает краски
на исходе дня.

Чтобы становилась
в сумерках видней
тающая милость
предпоследних дней.

Вывески скос сельмаговый
с инеем на предзорье.
Смаргивай да помалкивай
в раннем своём дозоре.

Что тебе мнится затемно,
чаем ещё не старче?
У горизонта патина
вспыхивает всё ярче.

Тынный обходчик вкрадчивый,
грейся ладонным тылом.
Сердца не заморачивай
обмороком постылым.

Это как будто на́ люди
выйти и не проснуться.
Вдаль по сентябрьской наледи
тянутся бликов блюда.

Путь несусветный, путаный,
что ни на есть вслепую.
Тропы в туман укутаны —
знай выбирай любую.

Всё по смешной оказии —
то ли к родным задворкам,
то ль беглецов из Азии
к выселкам за пригорком.

Ткутся узоры замысла
прямо по мгѣ дремучей.
Всѣ, что гадалось засветло,
съедено чёрной тучей.

Через лощину блазнится
зыбкий прибыток света —
точно стезя-отказница
пообещала это.

Банки да склянки катаются
в ельнике,
пригород сопли жуѣт.
Эники-беники ели вареники,
вот и бастует живот.

Так доставай свои грелки
с пилюлями
и глауберову соль —
в тесной песочнице
с олями-юлями
полно галдеть в унисон

про алфавитные буквы
разные —
кто на трубе, кто нигде —
и огонёчки оконные ранние
видеть в проточной воде.

Ах, дождевые мои кособочины,
дайте отвянуть в тепле!
Двери задраены, игры закон
ченны.
Чашка с бурдой на столе.

Что же, за маму, за папу,
за братика
тянешь-потянешь вовнутрь...
Горький цикорий и кофий
«Арабика».
Яростный фильм про войну.

И разговор переменчивый
ужинный —
в Киев, а то в огород.
Сны расколдованы, феи
разбужены.
Осень дрожит у ворот.

И надвигаются страхи заочные,
джинны из вытертых ламп,
клятвы ночные, подглядывы
замочные,
тени по тёмным углам,

дивы, убийцы, водители
конницы,
злая до злата родня...

Пот загляденья по пористой
кожице
в цыпках от прежнего дня,
где бедуинская бронза подглазная
цвета тамбовских небес,
местность заречная,
мга непролазная,
окна на мусорный лес.

Вдруг оборачивается и смотрит
коротко, но в упор,
поправляя некстати сумочку
на плече.
А потом уходит, цокая, через
двор,
и наступает вскорости время Ч.

Нужно немедленно всё
и про всё понять,
вещи сгрести в охапку, хлебнуть
винца,
ножик на кухне потрогать
за рукоять,
встать и ухмылку стряхнуть
с лица.

Ранняя осень, конечно, чудо
как хороша:
ржавчина, золото — всё лишь
один бальзам.
Что же не топать вдаль
прерывисто, не спеша,
не потакая ни выплескам,
ни слезам?

Слишком вокзал на летучую
рыбу в огнях похож:
только за вечерет —
летит-плывёт.

Не холодрыга в городе,
а пробирает дрожь,
и внутривенный тупо твердеет
лёд.

Это не потому, разумеется,
будто страх
подразыгрался у канувшего
в ночи.
Просто в косяк торчать на семи
ветрах
и самому себе повторять:
«Молчи».

Знать, что вода в аквариуме
будет стоять сто лет,
и разноцветный, детский —
прости-прощай...
В принципе можно пристроить
в шкафу скелет
и перейти в знак дружбы
на «только чай».

Но если тьма спешит и её
неуёмна прыть,
и чешуя у чудища изо льда —
следует не терять лица —
улетать и плыть —
не за горами главные холода.

вели окрестные печали
через воскресный гастроном
стоять велели на причале
строкой в сценарии дрянном

все эти кадры птиц и ветра
сакраментальная нуда
непотопляемое ретро
осатанелая вода

в непрезентабельном пейзаже
как атрибуты мелодрам
сквозили счастья и пропажи
с грехом и смехом пополам

и на исходе половины
жизнь оставляла на потом
успения сороковины
развилки во поле пустом

и опоздания некстати
и ожидания всерьёз
их пруд пруди в кинопрокате
для режиссёра не вопрос

пустопорожняя надсада
испепеляющая страсть
от мора здешнего и глада
за океаном запропасть

тесны леса поля и реки
ясны тунгус калмык и финн
но на причале человеки
ещё доигрывают фильм

глядят и видят сквозь друг друга
как отраженья шевеля
вся в елисейские округа
переселяется поля

Бутылка за кинотеатром
«Спартак».
Слезы — на копейку,
любви — на пятак.

Но золото — выше залатанных
крыш:
гори и не жалуйся, если горишь.

Идущий внахлѣст, окаянный,
сквозной,
осенний огонь не в ладах
с новизной.

Всѣ те же клокочут вокруг языки
бѣздушного счастья и шалой тоски.

Чтоб всякую чушь листопад
напевал,
чтоб не обрубало вино наповал.

Чтоб не докрутиться шальному
кино
до титров забвения было дано.

Где сумерки загустевали,
листья туманилась кайма,
мы всё сидели-гостевали,
почти что выжив из ума.

Забыв о выморочном счастье,
стареть с листвою заодно,
не допивали в одночасье
своѣ последнее вино.

Оно стояло — душу грело,
покуда зрели холода
и в небе лиственном горела
позднеосенняя звезда.

Она пощадой не мешала
впотьмах ни сердцу, ни уму.
И мы оглядывались шало
на окружающую тьму.

Мерцало присное веселье,
метался холод по спине.
Не убывало наше зелье,
и звѣзды множились на дне.

Лето кончилось. Он выключает
свет
и обнимает вытертую тахту.
Ведь у него ничего уже больше
нет,
что воспламеняется на свету.

Шутки в сторону. Он забывает
страх
и уплывает в марево той воды,
где пламенеют на чумовых ветрах
прежнего невидимые сады.

Стебли холода, выцветшие слова
там опаляют выдуманном
огнём —
донные призраки, сброшенная
листва,
мелочи смерти входят в него
живьѣм.

Чѣрный обморок.

Бравый китайский грипп.
Шизофрения, судороги, чума...
Яростные заливки кровавых
рыб.
Кто заставлял их нынче сходить
с ума?

Дело скользкое — бред, череда
засад.

И не видать никакого такого
дна...

А ведь всего лишь какую-то
смерть назад
предполагалось, будто бы
жизнь одна.

Береговые оторопь и озноб.
Рыбки круглые — прямо глаза
в глаза,

где под обрывом выгоревших
основ
медлит — не высыхает река-
слеза.

Чтоб малокровье неизлечимой
тьмы
шалой звезде пощады благодаря
наперекор течению до зимы
не леденило русло календаря.

Всё не растворится столица —
стеклянное небо, дымы...
Пока пассажир веселится,
смыкаются пальцы зимы.

Хоть улицы и распостёрли
по пригородам огни,
литые фаланги на горле
итожат безумные дни.

И плач о путях и перронах
дышать не поможет ничуть...
Но странные проблески в кронах
вечерний тассируют путь.

Из центра событий и басен
реален побег на корню.
От этого вечер прекрасен,
хоть и не разъять пятерню.

Кромешным братанием с тьмою
плацкартная полка красна.
Сумою, зимою, тюрмою
сквозит из открытого сна.

В нём на территории прозы
прозрачные станции слёз.
И дальше — сплошные морозы,
где память идёт под откос.

И белое брезжится чёрным,
провинция — краем земли,
где под замороженным дёрном
несметного счастья кули.

Сокровища, злы и капризны,
отсвечивают до утра...
И рукопожатье отчизны
рифмуется с долгим «ура».

уже и не вспомнить навскидку
в котором к примеру году
страхнули никитку как нитку
тишком с рукава на ходу

когда передумали реки
на север по-старому течь
когда в пиджаках человеки
с трибуны корючили речь

когда была снова здорова
впотьмах транспарантов заря
и супились танки сурово
на дне выходных ноября

и сердце колёсная белка
в бутылочном счастье снов
насилу держалась как целка
когда у ворот сердцелов

и позже когда отворили
и дальше когда понеслось
когда уже было не в силе
не пелось ему не спалось

парадные числа забылись
любимцы в парадных спились
прицелы у техники сбились
рога недотрог расплелись

обратное зренье что дышло
и то оно правда и то
и что же из этого вышло
коню по фасону пальто

судить своему перепало
копытиться фыркать нудить
хватило ему или мало
ему самому и судить

На больную голову не надейся —
лишь глаза прикроешь —
и тут как тут —
призрак гэдээровского индейца,
что приметлив и безразмерно
крут.

Кровь его из кадра не может
вытечь —
отдыхает кольт, и косит стрела —
и в облом стервятникам Гойко
Митич,
и вся прерия для него мала.

Загляни в салун — и случится
ветер —
рухнет стойка, виски собьёт
прицел...
Ясноглаз и гибельно беззаветен,
он в любой разборке пребудет
цел.

Томагавк тоскует по вражьи
скальпам,
в оперенье пламя войны ревёт...
Племена уходят с домашним
скарбом,
времена итожатся в свой черёд.

Где она, лукавая трубка мира,
панибратства вдумчивая игра?
Как отряды конных несутся мимо
эпизоды каверзного вчера.

В беготне за призрачную удачей
налетают заново эти дни
под знакомый сызмальства
клич апачей
и негодованье живой родни.

Бледнолицей своры шальные
пули
норовят настичь сквозь беду
и смрад...
Но прицелы сбиты, стрелки
в загуле,
и обозы насмерть уже горят.

Снесли эстраду с козырьком
и лавки перед ней.
Что проку гориться о ком
из тех безумных дней?

Они как наледь на камнях
бликуют на свету,
всех раздолбаев и скромняг
прибравши в темноту.

Сверкает снег вчерашних туч
при солнечной волне,
как в море выброшенный ключ
на каменистом дне.

День ото дня сильнее рябь
и шум береговой.
И только зрение ослабь —
накроет с головой.

Здесь ветер бьёт из-под земли,
щекочет ночь глаза.
И продаётся за рубли
горючая слеза.

И пыль столбом сквозь мор и холод
стоит как часовой.
И не сыскать пути назад
с повинной головой.

Пойдёшь направо — пьянь и рвань,
налево — смех и грех,
где бестолковщиной словарь
разделан под орех.

Растёт бурьян сквозь имена
безумцев словаря.
А дело бога сторона,
пропавшая зазря.

И если нынче тишь и гладь,
то завтра — шум и гам.
И ветер ереси в тетрадь
заносит по слогам.

В мобильник, в голову, в айпад,
в ночную кровь страны.
Что делать, если виноват
как прежде без вины?

Где накатин и никотин
спасают до поры,
летят на отсветы седины
слова в тартарары.

Но устремившихся с ума
водою в решето
всевышний нежит задарма
и помнит как никто.